

суровому духу ранних римских летописей, выросших из анналов, составлявшихся римскими жрецами.

Таким образом, в данное время мы наблюдаем специфическую картину, когда Рим на некоторое время был как бы «выключен» из антитезы «варвары — не-варвары». Когда именно Рим становился неварварским центром (*Nos sumus Romani, qui fuimus ante Rudini. Мы нынче римляне, кто были до этого рудинами*. Эний). Но этот краткий «выпад» из двуполярного мира вскоре будет преодолен как на официальном, так и на бытовом уровне ко времени разрушения Карфагена и захвата Греции.

А. П. Беликов

РИМ И ПАРФИЯ: ИСТОКИ ВЗАИМНОГО НЕПРИЯТИЯ

1. Римско-парфянские противоречия долго оставались главной проблемой восточной политики Римского государства. Причины этой вражды обычно усматривают в политических, экономических, и даже «торговых» мотивах. При этом, как нам представляется, не учитываются факторы другого порядка, прежде всего психологические.

2. Строго говоря, парфяне не были варварами: у них была зрелая государственность, развитая культура, унаследованные от ахеменидской Персии. Однако римляне первое время никак не выделяли их из череды других восточных народов, да и позднее всегда воспринимали парфян как варваров, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3. Парфия в начале I века до н. э. испытывала серьезные внешнеполитические затруднения: на востоке на нее давили кочевые племена, на западе набирающая силу Армения стремилась расширить свои пределы за счет парфянских земель. Это вынуждало парфянских царей искать сильных союзников. Таким союзником мог стать Рим, поскольку он имел общих с Парфией врагов. Казалось бы, сложились благоприятные условия для союзных, или, как минимум, добрососедских отношений двух держав.

4. Однако исторический шанс был упущен, парфяне, напротив, стали злейшими врагами римлян, причем исключительно по вине самого Рима. Первый официальный контакт двух народов (парфянское посольство к Сулле с просьбой о дружбе и союзе) закончился унижением Парфии. Позже Лукулл, заключив устное соглашение с парфянским царем о нейтралитете, сразу вслед за этим собрался начать против него войну. Затем Помпей силой вытеснил парфян с территорий, которые он сам же обещал передать Парфянскому царству. Наконец, Красс совершил неспровоцированную агрессию против Парфии, в результате чего началась открытая вражда двух соседей. Цезарь планировал отомстить парфянам за поражение Красса, а Антоний безуспешно воевал с ними в Атропатене.

5. Все эти полководцы были не похожи друг на друга, но политику по отношению к Парфии они проводили совершенно одинаковую — неуважитель-

ную. Здесь наблюдается полная преемственность в их восприятии парфян. Они считали парфян варварами, во всех отношениях стоящими ниже римлян. Объясняется это не личными качествами римских политиков, а тенденциями развития римской внешней политики: «Великодержавный шовинизм» избалованной победой Римской республики уже не предполагал равноправия и партнерства с соседними странами.

6. «Ущемленная национальная гордость» парфян, претерпевших слишком много унижений от Рима, вылилась в открытую ненависть к римлянам и всему римскому. После постыдных поражений Красса и Антония пострадало этническое самосознание уже у самих «повелителей мира» — варвары оказались сильнее. Простить такой удар по чувству собственного достоинства гордые квириды не могли. Идеи реваншизма были очень сильны по обе стороны от Евфрата — получался замкнутый круг ненависти, из которого невозможно было выбраться.

7. Сыграла свою роль и чисто ментальная несовместимость. Влиянием эллинизма парфяне были затронуты слабо, они ориентировались на возрождение паниранских традиций. Эллыны были для них чуждыми и враждебными элементом. Покровительствующие греческому населению Востока римляне стали для парфян столь же чуждыми, да еще и опасными. По большому счету, речь идет о столкновении двух мировоззрений — Запада и Востока. Слишком разными были римляне и парфяне, и чем лучше они узнавали друг друга, тем больше обнаруживали неприемлемого для себя.

8. Конечно, сказывалось и политическое соперничество двух держав, жажда территориальных захватов, алчность правителей и их мечты о славе завоевателя. Но не только это. Нельзя сбрасывать со счетов факторы чисто психологические. Не учитывая их, мы просто не сможем правильно понять всю глубину и суть затянувшегося римско-парфянского противостояния.

И. Г. Гурии

РИМЛЯНЕ И ВАРВАРЫ В СЕРТОРИАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Туземные участники Серторианского движения традиционно рассматриваются как некая единая варварская масса, враждебная римлянам (нередко персонафицируемым в руководителе движения), но в то же время пассивная и покорная им. Отношения Сертория с туземцами рисуются обычно в идиллических тонах: они полностью находились в его подчинении, причем с первых взаимных контактов и до его смерти. Причины такого положения видятся в полномочиях полководца и в необычайно высокой личной популярности Сертория у туземцев. Причины же самой популярности следующие: приспособление Сертория к особенностям национального характера туземцев, мягкое и тактичное управление подвластным ему населением, проводимые им мероприятия, высокие личные качества Сертория, вызывавшие необычайное восхищение туземцев, его победы, вера в его особую связь с богами. К тому же туземцы не